

Максим Юрьевич Маркасов

*Институт филологии, массовой информации и психологии
Новосибирского государственного педагогического университета
630126, Россия, г. Новосибирск, ул. Виллюйская, 28, корп. 3
✉ markasovmaksim7@gmail.com*

Ольга Александровна Маркасова

*Новосибирский государственный университет
экономики и управления
630099, Россия, г. Новосибирск, ул. Каменская, 56
✉ markasova85@gmail.com*

DOI 10.25205/978-5-4437-1258-1-295-300

ПЕРСОНОСФЕРА СОВРЕМЕННЫХ МЕДИА: МАЯКОВСКИЙ ГЛАЗАМИ «ПОСТНАУКИ» И МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ

На множествах медийных платформ представлено огромное количество текстов, которые условно можно было бы назвать «научно-популярными». В научном тезаурусе появились и стали привычными такие слова, как «постправда», «постистина», «постпамять», «постфольклор». В этот же ряд можно включить и понятие «постнаука», которое используется, скорее, не как устоявшийся термин, а глобальный информационный ресурс (ПостНаука), «проект о современной фундаментальной науке и ученых, которые ее создают, о популяризации научных знаний»¹. Сейчас, по мнению С. М. Шакирова, «популяризация

© М. Ю. Маркасов, О. А. Маркасова, 2021

¹ <https://ru.wikipedia.org/wiki/ПостНаука>.

научных знаний вступает в стадию трансмедиальных преобразований» [Шакиров, 2018. С. 38]. В парадигме национальной культуры необходим и набор персон, наполняющих картину мира. Это, прежде всего, «сфера персоналий, образов, сфера литературных, исторических, фольклорных, религиозных персонажей» [Хазагеров, 2002. С. 133]. Персоносфера используется в качестве эффективного средства манипуляции массовым сознанием: историческая или литературная персона в зависимости от эпохи или политической конъюнктуры свободно меняет свой аксиологический статус. В ряду исторических фигур особое место занимают писатели, в России имеющие привилегированное положение «властителей дум» и «нравственных ориентиров». Именно когнитивный диссонанс между представлением о поэте как о безупречной в нравственном отношении личности, во многом привитым советской и в какой-то степени постсоветской школой, и нарушителем норм порождает массовый «спрос» на такие публикации. И литературные, и исторические персоны прошедших эпох продолжают жить в сознании реципиента в виде медиафигур, образуя свою семиосферу.

В ряду таких «имиджей» — поэт Владимир Маяковский. Безусловно, что поэта проходят в школе, поэтому он и включен в ряд медийных персон, которые у всех на слуху. Владимир Маяковский сейчас, впрочем, как и весь пантеон литературных небожителей, это, скорее, мем, шаблон, знак совсем иной реальности. Образ Маяковского (именно образ) в критике и литературоведении переживает как минимум четыре «перевоплощения» (Маяковский при жизни, посмертная канонизация, демифологизация и нынешнее «бытие»). Оригинальный подход к трансформации научного текста в «дидактический» мы наблюдаем у Михаила Трунина, публикующегося на «Арзамасе». Материал «Маяковский от А до Я» представляет собой коллаж из 28 слов, по одному на букву алфавита, из которых *вырисовывается портрет Маяковского*². В тексте «Азбуки» даны

---

² <https://arzamas.academy/materials/736>.

28 биографических и творческих факта из жизни Маяковского, соотнесенные с каким-то ключевым словом, начинающимся на одну из букв русского алфавита. Нужно заметить, что занимательность строится, прежде всего, на необычности событий и авторском отборе материала для презентации. Например: ***Заграница.** Именно из Парижа Маяковский привез автомобиль «Рено» в подарок Лиле Брик <...>*. Суть такой презентации в данном случае не в предоставлении читателю фактов и не в научной интерпретации, сколько в форме композиционного расположения материала и удачно сконструированном нарративе.

Иным представляется интернет-ресурс «Русская семерка», целевая аудитория которого менее взыскательна. Особенность — краткость и лаконичность текстов, но достаточно плотная насыщенность фактами. Это позволяет публиковать большое количество материалов практически на любые популярные темы. По своей стилистике и референциальности тексты очень разнообразны: от распространяющих заведомые стереотипы до упрощенного, но все же компетентного литературоведческого подхода. О Маяковском представлено около 10–15 текстов, которые также распределены по рубрикам: «Криминал», «Биография», «История», «Психология». На самом деле текстов, посвященных Маяковскому, на ресурсе намного меньше, так как одинаковые по содержанию, они имеют разные или слегка измененные названия. В статье «Мизофобия: почему Маяковский боялся прикасаться к людям»³ можно увидеть отголоски постструктуралистского подхода к литературно-биографическим фактам в духе трактовок И. П. Смирнова, который определяет эпоху авангарда как «садоавангард», а Маяковского, соответственно, — как садиста [Смирнов, 1994]. Читаем в «Русской семерке»: *современники поэта не раз отмечали, что он страдал болезненной брезгливостью и буквально до судорог боялся подцепить какую-нибудь опасную инфек-*

---

³ <https://russian7.ru/post/mizofobiya-pochemu-mayakovskiy-bojalsya-p>.

цию. <...> причиной развития фобии послужила глубинная детская травма. Зимой 1906 года <...> его отец внезапно скончался от заражения крови. С конца XX века такая методика интерпретации становится популярной в научных кругах, в развлекательных же публикациях она получает крайне упрощенный вид и служит способом привлечь внимание читателя к «сомнительной» теме. Акцент в данном случае делается на несоответствии идеализированного представления о классиках как о стерильных в нравственном отношении личностях и потоком материалов, ставших доступными массовому читателю в последнее время. Впрочем, какая-то взаимосвязь фобии с творчеством, как это делают аналитики-постструктуралисты, кроме разве что процитированной известной стихотворной строки про певца кипяченой воды и врага сырой, автором материала не устанавливаются, интерпретация отсутствует.

Одна из самых, пожалуй, распространенных мифологем, связанных с Маяковским, — его самоубийство. В годы идеологической трактовки творчества поэта факт суицида, конечно, не мог быть скрыт, поэтому в школьных учебниках и в массмедиа по этому поводу сообщалось что-то маловразумительное, внимание на этом факте не акцентировалось. В «Русской семерке» представлено несколько материалов, посвященных самоубийству поэта, однако на самом деле это один текст с разными названиями и разными фото, в котором собраны известные факты: «Владимир Маяковский: тайна смерти советского поэта № 1», «Почему покончил с собой Владимир Маяковский», «Зачем Владимир Маяковский покончил с собой» и т. д. с различными вариациями. Безусловно, тема самоубийства поэта — эксплуатация интереса массового читателя к загадочному, тайному, которое, как обещают заголовки, будет «раскрыто» именно на этом информационном ресурсе. Можно сказать, что в «Русской семерке» тексты не столько информационны, сколько суггестивны и мифологичны: «Объективное знание о писателе, зафиксированное официальной наукой, нередко вытесняется субъективным, формируемым

на основе домыслов и вольных интерпретаций <...>. Субъективное мифологизированное знание становится достоянием массового сознания <...>» [Колмакова, 2018. С. 36]. Такой же по популярности мифологемой, как и самоубийство, пожалуй, является и «любовь Маяковского», которая также обыгрывается за счет манипуляций с формулировками названий: «Лиля Брик: какой была жена Маяковского», «Лиля Брик: какой была главная „муза русского авангарда“», «Что сделала Лиля Брик для русского авангарда», «Лиля Брик: что нужно знать о „музе русского авангарда“» и др. Популяризаторский дискурс не избегает распространения различного рода фейков, самые известные из которых — «цветы от Маяковского» и несколько стихотворений «под Маяковского». Первый фейк о доставляемых Татьяне Яковлевой в течение 40 лет после смерти поэта цветах, оплаченных им, строится на мелодраматическом, сентиментальном нарративе и легко опровергается: слишком фантастические подробности использованы для построения этого сюжета. К подобного рода «низовому» контенту относятся и стихотворения, якобы принадлежащие перу Маяковского (например, «Вы любите розы...») и распространяемые еще в устном варианте в позднесоветское время.

Признаком современного состояния информационного хаоса, трансформации знания как такового в его профанный вариант является медиаплатформа «Яндекс.Дзен». Название медиаплатформы выбрано вполне остроумно и, возможно, иронично: дзен как восточное учение точно передает характер материалов «Яндекс.Дзена» — это и передача знания не через тексты (рассматриваемые нами можно назвать «квазистатьями»), и практика недеяния (минималистический характер), и мир как иллюзия (иллюзорность, имитация научности), и разнообразие явлений миропорядка (огромный спектр тематики), и, конечно, антилогос — своего рода профанный, масскультурный вариант антилогоцентризма, проявляющийся, прежде всего, в распространении фейковой информации. Безусловно, что материалы, представленные в «Дзене», разнообразны по своему качеству и ин-

теллектуальной составляющей, но нас интересует не выяснение, кто писал и чем руководствовался, не стиль и даже не способы привлечения аудитории, а некий коллективный логос (или антилогос), деиндивидуализированный дискурс.

Историческая или литературная персона имеет свой аксиологический статус, пластичный и подвижный: любой культурный герой легко может служить разным, иногда противоречащим, идеологическим силам. В массовом сознании Маяковский подобен лирическому герою своей собственной поэмы «Облако в штанах», в которой он меняет облики и ипостаси: он и бунтарь, и пропагандист, и самоубийца, и сентиментальный любовник (в этой теме очень эффективно работают откровенные фейки), и «школьный поэт», и личность, страдающая фобиями, и пошляк-матерщинник (стихотворения «под Маяковского»). С другой стороны, медиаобраз — это всегда редуцированный образ, сведенный до понимания среднестатистическим потребителем массовой культуры и сконструированный, прежде всего, по принципу когнитивного диссонанса, потому можем предположить, что перечисленными выше «масками» Маяковский, скорее всего, и ограничивается.

Литература

Колмакова О. А. Трансформация мифа о Гоголе в повести А. Королева «Голова Гоголя» // Вестник Бурятского государственного университета. 2018. № 2. Т. 1.

Смирнов И. П. Психодиахнологика: Психоистория русской литературы от романтизма до наших дней. — М. : Новое литературное обозрение, 1994. 352 с.

Хазатеров Г. Персоносфера русской культуры // Новый Мир. 2002. № 1. С. 133–145.

Шакиров С. М. Деформация содержания литературного дискурса при его трансмедиальном преобразовании // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2 (28) 2018. С. 38–45.